

СЕМИБРАТОВ В.В.

ПОПАДАНЕЦ НАОБОРОТ

*с Гражданской войны
на
Великую Отечественную*

**За Веру
Царя и
Отечество**

**За Власть
Советов**

Владимир Викторович Семибратов
Попаданец наоборот. С
Гражданской войны на
Великую Отечественную

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27809749

ISBN 9785449006431

Аннотация

История белогвардейского офицера, попавшего в результате спонтанного перемещения во времени в будущее: с Гражданской войны на Великую Отечественную.

Содержание

Аннотация	5
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Попаданец наоборот С Гражданской войны на Великую Отечественную

Владимир Викторович
Семибратов

Все описанные события вымышлены.

Возможные совпадения случайны.

Но так могло быть?

© Владимир Викторович Семибратов, 2017

ISBN 978-5-4490-0643-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Хорошо попаданцам, заброшенным из нашего времени на Великую Отечественную, там сразу ясно: кто друг, а кто враг. Но и тем, кого забросило из нашего времени в пекло братоубийственной Гражданской войны, тоже не намного хуже. Одно знание истории дорогого стоит. Да и выбор имеется. Хочешь – за красных воюй, о 37-м годе не забывая, хочешь – за белых, пытаясь перекроить историю на свой лад. Дело, как говорится, вкуса и политических предпочтений. Но если тебя не в прошлое забросило, а наоборот, в будущее? Из пекла братоубийственной Гражданской войны в начало Великой Отечественной, а ты офицер и дворянин, который ещё вчера красных рубил, и о том, что во времени и пространстве на два десятка лет и на пару тысяч верст перекинуть может – даже думать не мог. Оно и понятно, ведь в то время такое предположение свело бы с ума самого Эйнштейна.

Под натиском красных белые стремительно отступают. Патронов не то что воевать, застрелиться на всех не хватит. Следующий бой для двух десятков оставшихся от сводного офицерского полка, ещё недавно входившего в состав армии генерала Каппеля, будет последним. Хорошо хоть лес рядом. Красные в него не пойдут. Очень им это надо – за одним беляком гоняться. Сам сдохнет, или волки сожрут.

Штабс-ротмистр Истомин остался один. Из оружия: финка, граната и наган с пятью патронами в барабане. Конечно, красные, скорее всего, лес прочёсывать не будут. Но побережься всё же стоит. Не человека, зверя – ночь скоро. Посреди лесной поляны странно расположенные кругом валуны из синего камня. В центре круга ещё четыре валуна, накрытых плоской каменной плитой, образуют подобие пещеры. Удобно и безопасно. Лег и уснул.

А когда проснулся, оказался в июле 1941 года под Смоленском. Два десятка лет прошло вне времени и пространства. Что теперь делать, на чью сторону вставать? В России, вернее, теперь уже в Союзе Советских Социалистических Республик у власти большевики, с которыми ещё вчера воевал. С другой стороны, немцы заявляют, что хотят освободить Россию от этих самых большевиков и утвердить новый мировой порядок. Но так ли благородны их цели и останется ли в этом новом мировом порядке место для России и её народа вообще?

Пролог

Большие настенные часы с гирями мелодично пробили пять раз. Дежурный адвокат довольно глянул на циферблат. До конца рабочего дня осталось всего один час и можно идти домой встречать новый, 1992 год. Хоть бы в эти последние шестьдесят минут никто не пришёл. Нет, работа адвоката, особенно по гражданским делам – вещь интересная, ничего не скажешь. Но и отдыхать тоже надо. Ведь не вся жизнь должна состоять из выступлений в судах или распутывания юридических ребусов, которых в связи с изменениями в стране становится с каждым днём всё больше и больше.

В дверь постучали. Ну вот, очередной ребус пожаловал, адвокат вздохнул. Придётся работать. Плакал полноценный новогодний отдых. Хотя с другой стороны, если дело интересное и прибыльное, это может стать неплохим рождественским подарком, а впрочем, сейчас узнаем, и произнёс: «Входите!»

Дверь распахнулась, и в приёмную вошёл пожилой мужчина. Просто, но опрятно одетый. Типичный советский, ну или постсоветский пенсионер, если учесть, что уже пять дней как исчез Советский Союз. От такого серьёзного дела ждать вряд ли стоит. Скорее всего, консультация по вопросам наследования или что-то в этом роде. За полчаса вполне можно управиться.

Вошедший поздоровался и задал не совсем стандартный в такой ситуации вопрос: «Вы Владимир Викторович»? «Да», – адвокат пристально посмотрел на посетителя. Когда так начинают разговор, значит, это не просто случайный человек, а пришёл по чьей-то рекомендации, что всегда приятно. Сработала деловая репутация.

– Я – Лаптев Василий Андреевич, – представился клиент. – Мне вас рекомендовал ваш дипломный руководитель как человека не только высокого профессионального уровня, но и с нестандартными увлечениями. Как он мне сказал, вы занимаетесь парапсихологией. А в прошлом году ездили в Крым и изучали дольмены в составе археологической экспедиции. Вот почему я решил, что ваше отношение к тому делу, которое мне необходимо оформить, будет более или менее адекватным, и вы не позвоните по 03 сразу после услышанного.

Да, начало интригующее. Адвокат ещё раз пристально посмотрел на клиента. О его увлечении парапсихологией и аномальными явлениями вообще в адвокатской среде мало кто знал. Но дипломный руководитель и по «совместительству» председатель коллегии входил в круг посвященных, так как сам имел аналогичные интересы. Возможно, сказывалось прошлое офицера КГБ.

– Я, Василий Андреевич, – адвокат сделал паузу, – не врач-психотерапевт, но одно могу сказать определённо. Наш мир так устроен, что то, что ещё вчера называлось фан-

тазией, если не сказать хуже, уже сегодня становится реальностью, и вот поэтому у меня в вопросе восприятия окружающего есть свой принцип. Как в точности устроен мир, я не знаю, а поэтому в нём может быть всё, даже самое невероятное. Так что насчёт ОЗ можете не беспокоиться. Раздевайтесь и присаживайтесь к столу. Я вас выслушаю. Клиент повесил на вешалку возле двери пальто и шапку. Присел к столу и, помолчав с минуту, произнёс:

– Мне, Владимир Викторович, необходимо поменять фамилию, имя и отчество. В действительности я не Лаптев Василий Андреевич. Моя настоящая фамилия Истомин – Истомин Владимир Васильевич. Я дворянин и штабс-ротмистр русской армии. Родился в городе Санкт-Петербурге в 1894 году. Окончил кадетский корпус. Участвовал в Первой мировой войне с 1916 года. Потом в Гражданской на стороне белых в составе армии генерала Каппеля. До 22 июля 1919 года. А после – в Великой Отечественной с 22 июля 1941 года. Причем из 22 июля 1919 года я сразу попал в 22 июля 1941 года, переместившись во времени и пространстве всего за одну ночь, проведенную внутри дольмена. Меня перебросило во времени на 22 года в будущее и в пространстве на пару тысяч километров западнее. Со Среднего Урала в район Смоленска. Там я присоединился к частям Красной армии, воспользовался документами моего погибшего однополчанина Васи Лаптева – Лаптева Василия Андреевича. И с тех пор живу под его именем. Пять дней на-

зад прекратил своё существование Советский Союз, и я, наконец, могу, не опасаясь преследований, вернуть себе своё настоящее имя. Вот за этим, господин адвокат, я к вам обратился.

В приемной повисла звенящая тишина. Лишь стенные часы монотонно отбивали секунды.

– Я вас понял, господин Истомина, – первым нарушил молчание адвокат. – Звонить психиатрам не буду. То, что произошло с вами – случай в истории не единичный. Но чтобы вам помочь, мне всего услышанного недостаточно. Ведь вы хотите не просто поменять запись в паспорте, а доказать, что вы и есть Владимир Васильевич Истомина. Русский офицер и дворянин, родившийся в 1894 году в городе Санкт-Петербурге.

– Да, именно это мне и нужно. Простая замена паспорта не имеет смысла. Может быть, для кого-то это покажется странным, но мне очень важно снова стать тем, кем я был. Русским офицером и дворянином, чтобы хотя бы умереть под своим настоящим именем.

– В этом случае, – адвокат помолчал, – вам, Владимир Васильевич, необходимо рассказать мне всю вашу историю в подробностях начиная с 22 июля 1919 года. Чтобы было за что зацепиться.

– Да, да, конечно, Владимир Викторович. Но только я буду вести рассказ от второго лица. Так мне более удобно. Когда полвека живёшь под чужим именем, это даёт о себе знать.

– Ну, это уже как вам будет угодно, господин Истомин, – адвокат улыбнулся. – Я вас слушаю.

Глава 1

– Господин штабс-ротмистр, разведчики возвращаются.

– Вижу, поручик, вижу, и судя по всему, от красных мы всё же оторвались, иначе наш есаул летел бы во весь опор.

Штабс-ротмистр Истомин поднялся с земли и вышел на опушку леса, к которой подъехали разведчики. Есаул соскочил с коня.

– Всё тихо, ваше благородие, знать, всё же оторвались от красных.

– Что же, есаул, и на том спасибо. Единственная хорошая новость за все эти дни. Вот только одно мне непонятно: почему красные перестали нас преследовать? Может, засаду готовят? Места здесь глухие, дорога, считай, одна, встретят где-нибудь в удобном месте, и до Сибири мы не дойдём точно. К тому же патронов как на грех всего двести семь штук осталось, считая те, что в моем нагане.

– Да, дела, – есаул нахмурился, – это же по две обоймы на человека. Тут не то что воевать, от волков отбиваться нечем. Я, ваше благородие, вот что думаю: коли у нас так с патронами вышло, то надобно...

Треск пулемётной очереди и грохот взрыва в глубине леса слились в один звук. Истомин, упав на землю, откатился за ствол упавшей сосны. Взгляд тут же поймал положение пулеметной точки. Из кустов на соседнем холме длинны-

ми очередями бил «максим». «Взрыв, откуда взрыв, – вертелась в голове мысль. – Гранаты, ну точно гранаты в седельной сумке у ротмистра Лисицина, было аж шесть штук, да ещё тол. Пулеметная очередь наверняка попала в них и вызвала взрыв. Если так, то дело плохо. Там вряд ли кто уцелел. Да и здесь я один живой». Есаул и двое его казаков лежали неподвижно, скошенные пулеметом. «Хотя, может, кто и остался? Не все же они вокруг этих гранат стояли». Пулемёт на мгновение замолчал, а из-за холма вылетело не менее полусотни всадников, и поскакали к лесу. Пулемёт снова открыл огонь, прикрывая наступающих кавалеристов. В ответ от места стоянки тоже прозвучала пара выстрелов. «Ага, значит и там ещё кто-то живой остался. Уже легче. Главное пулемет заткнуть, а тогда может, дай бог, и отобьёмся». Истомин скинул с плеча винтовку и чуть не взвыл от ярости. Осколок от взорвавшихся гранат угодил в затвор, намертво его заклинив. Оружие стало бесполезным, а из нагана с двухсот сажень, да ещё и по такой цели стрелять без толку. Хотя всё-таки попробовать можно. Хуже уже не будет. «Пусть лучше из пулемёта расстреляют, чем к красным в плен». Истомин встал во весь рост, вынул из кобуры наган и, прицелившись, как в тире, два раза выстрелил. Пулемёт замолчал. «Ну, надо же, попал!» Путь к отступлению в глубь леса свободен. Несколько секунд хватило штабс-ротмистру Истомину, чтобы добежать до лагеря. Но все шестнадцать человек были уже мертвы. Большинство погибло сразу от взрыва гра-

нат. Уцелел, по-видимому, лишь, поручик Репнин. Будучи раненным, укрываясь за большим пнём, он пытался отстреливаться из маузера, но истёк кровью. Со стороны опушки уже слышался конский топот. «Всё, больше здесь делать нечего. Красные либо зарубят, либо в плен возьмут. Надо уходить, – решил Истомин, – а то погибну по глупости». И, подхватив с земли свой вещевой мешок, бросился в лес.

Глава 2

Солнце клонилось к западу. Истомин осторожно шёл по лесной чаще, пробираясь сквозь густой подлесок. «Эх, хоть бы шашка была, всё б легче было. Да только нет её, в предпоследнем бою сломал». А лес кругом стоял дремучий, точно сказочный. Только избушки Бабы-яги для полного антуража не хватало. Теперь погони можно не опасаться. Но побережься всё-таки стоит, нет, не человека, – зверя. Ночь впереди, а спать среди деревьев не лучший вариант. Преодолев очередные заросли, Истомин вышел на небольшую поляну и застыл от удивления. «А вот и домик Бабы-яги, ну или почти», – первая ассоциация, которая пришла ему на ум от увиденного. Вид у поляны был действительно необычный. Она была абсолютно круглой, а по её периметру, вплотную друг к другу лежали странные синие валуны полусферической формы, почти в рост человека. В центре кольца из валунов лежали ещё четыре таких же валуна, накрытые сверху треугольной каменной плитой, образуя подобие небольшой пещеры.

«Да это же языческое капище. Вот это удача!» К науке штабс-ротмистр Истомин был равнодушен всегда. Эх, если бы не Гражданская война, какое бы было открытие. Выходит, не только в Англии Стоунхендж имеется, но и в России тоже. «Ничего, доберусь до своих, обязательно сообщу. Жал-

ко только, что инструментов, чтобы точно географические координаты места определить, нет. Но это не так уж и важно. Примерный район известен, а отыскать эту поляну снова будет лишь делом техники». Истомин перемахнул через валуны и, дойдя до центра древней постройки, вошел под своды языческого алтаря, как он сам его назвал. Над входом в алтарь на образующей крышу плите был высечен странный знак в форме.

Посмотрев на него с минуту и не припомнив ничего подобного из гимназического курса древней истории, Истомин быстро поужинал и, положив под голову вещмешок, погрузился в глубокий сон. Причем сон был настолько крепок, что не отпустил из своих объятий Истомина даже тогда, когда в полночь при свете восшедшей полной луны всю поляну вдруг заволокло плотным зелёным туманом, а окружающие её синие валуны вспыхнули мерцающим голубоватым

светом. Но всё это длилось лишь считанные мгновения. Валуны погасли, зелёный туман рассеялся так же быстро, как и появился, но внутри алтаря уже никого не было.

Глава 3

Прохладная утренняя роса легла на лицо. Истомин открыл глаза и моментально проснулся. Солнце поднялось уже высоко над вершинами деревьев. Лес шумел под дуновением слабого ветерка. Стрекотали кузнечики, пели птицы. Пахло хвоей и земляникой. Хорошо. Не поляна, а рай. Даже чувство хронической усталости, являвшееся неизменным спутником Истомина все последние дни, куда-то исчезло, испарилось. Тело было бодрым и свежим, как после долгого отдыха. Истомин улыбнулся. Да, умели предки выбирать места для проведения своих языческих обрядов. Но ничего не поделаешь, пора в дорогу. Перекусив остатками продуктов из вещмешка, Истомин покинул колдовскую поляну и углубился в лес.

Странно, но характер местности резко изменился. Исчез густой подлесок, почва стала более ровной, деревья стояли не так плотно. Это одновременно и радовало и настораживало Истомина. Радовало, потому что позволяло идти быстрее. Из продуктов в вещмешке оставался только хлеб, и надо было попытаться побыстрее выйти к населённым местам. Из нагана ведь не поохотишься. А настораживало, потому что в случае чего труднее будет укрыться в зарослях.

Вдруг внимание Истомина привлек странный жужжащий звук, исходящий с неба. Он задрал голову и увидел летя-

щий совсем низко аэроплан. Окрашенный в ярко-зелёный цвет аэроплан плыл в безоблачной синеве неба. «А аэроплан-то красных», – сразу понял Истомин, поднеся к глазам бинокль. На крыльях, хвосте и фюзеляже летательного аппарата были ясно различимы опознавательные знаки в виде красных пятиконечных звёзд. «Не иначе как меня ищут», – мелькнула неприятная мысль, но тут же исчезла, поверженная неоспоримой логикой фактов. Да кто он такой, чтобы за ним на аэроплане гонялись? Каппель, что ли, или сам Колчак? Нет, раз уж красные авиацию подтянули, то, видимо, поблизости есть кто-то посерьёзнее и покрупнее. Какое-нибудь белое соединение тоже в Сибирь пробивается, что, собственно говоря, очень кстати. Но тут события приняли совершенно неожиданный оборот. Послышался рёв ещё двух авиационных моторов. Со стороны запада в небе появились ещё два аэроплана, но каких. Монопланы с чёрными крестами на крыльях и свастикой на хвосте. Как коршуны, увидев добычу, спикировали на зелёный биплан. Раздался треск пулемётов и, теряя высоту, оставляя за собой полосу чёрного дыма, аэроплан красных понёсся к земле. Но через мгновение и один из монопланов тоже задымил, развернулся и со снижением пошёл к западу. Как зачарованный стоял Истомин и наблюдал воздушный бой. Что же это такое, что за неизвестные аэропланы сбили биплан красных, чьи они? Крест на крыльях только у немцев, а вот свастика. О боже! Только тут до Истомина дошло, что подбитый неизвестный

аэроплан падает прямо на него. Единственное, что он успел сделать, это инстинктивно упасть на землю. А аэроплан, ломая деревья, рухнул в нескольких сотнях шагов от него. «Да, повезло, что не на голову», – только и подумал Истомин. Встав и отряхнувшись, направился к месту падения. Его так и раздирало любопытство, что это за аэроплан. Взрыв был несильный, из чего можно было сделать вывод, что могли остаться крупные обломки и, возможно, не сильно пострадало тело погибшего авиатора. А при нём должны быть документы, карта и оружие, что в его положении совсем не лишнее.

Подойдя к месту катастрофы, Истомин убедился в своей правоте. Ударившись о деревья, аэроплан развалился на части, а лётчика выбросило из кабины. Его мёртвое тело свисало с ветвей осины. Чуть поодаль, на поверхности небольшого сильно заболоченного лесного озера горела вода. Очевидно, туда упал мотор. Поняв, что пожара не будет, Истомин скинул на землю труп и осмотрел погибшего. Внешне авиатор пострадал не сильно, видимо, смерть наступила из-за внутренних повреждений, и это радовало, так как оружие и документы в этом случае, скорее всего, целы и не запачканы кровью. Первое, что сделал Истомин, вытащил из кобуры лётчика его личное оружие. Им оказался немецкий пистолет «Люгер-08», он же «Парабеллум». Вполне знакомая вещь ещё с Германской. Потом достал из планшета карту. Надписи на немецком. Странно. На карте была изображена

часть Смоленской губернии. Глупость какая-то. Где Урал, а где Смоленск. Зачем же лететь с картой того места, которое от тебя за несколько тысяч верст? Не иначе как перед вылетом немец карты перепутал. Стоп, а это ещё что? Взгляд Истомина упал на мелкий шрифт в нижней части карты. Отпечатано в Берлине в 1941 году, – следовало из надписи. Да уж, что лётчик, что наборщик. Издали карту «будущего». А ещё хвалятся немецкий порядок, немецкий порядок. Ладно, посмотрим, что это за такой «непорядочный» немец попался. Расстегнув комбинезон, Истомин достал документы пилота и обомлел. Лётное удостоверение выпало у него из рук. И было от чего. Из удостоверения следовало, что погибший является немецким лётчиком-истребителем, вот только родился он в 1919 году. Причём в декабре, а сейчас июль, а выдан был сей документ в апреле 1939 года. Такого просто не могло быть. Истомин помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок. Поднял удостоверение, прочитал его ещё и ещё раз, желая понять, что всё это значит. Карта Смоленской губернии с опечаткой в дате издания, это вполне могло быть. Ну ошибся наборщик, цифры в дате выпуска местами перепутал. Из-за этого карту само собой никто не забракует. Но личные документы! В них две ошибки: в дате рождения и дате выдачи. Да писаря за такие ошибки, ведь подобные документы в принципе недействительны. Если только сейчас не 1941 год. Истомин снова помотал головой. «Меня что, от взрыва самолёта контузило что ли? Как можно из 19-го

года в 41-й попасть?» «А ты на него внимательней посмотри, – вдруг вмешался внутренний голос. – Комбинезон-то не на пуговицах. Дальше вы, ваше благородие, на фронте с 1916 года. Были у немцев такие аэропланы, как тот, на котором он сейчас летал, и не один, а в паре. Да и чего бы это немцам за красными гоняться, если их Ленин шпион немецкий. Ну сами посудите, может ли быть такое, не может. А раз так, то на дворе 1941 год».

Всю свою жизнь Истомин считал себя человеком разумным, признающим в споре только логику и факты. А посему чудовищным усилием воли заставив замолчать внутренний голос, от слов которого его бросало в дрожь, он стал искать доказательства обратного, но вот только нашёл прямого, да ещё какого. Кроме лётного удостоверения в карманах погибшего оказалось удостоверение непонятной организации «С.С.», в которой покойный авиатор имел честь состоять с 1941 года в звании шарфюрера. А также карманный экземпляр книги некоего Адольфа Гитлера «Майн Кампф» – «Моя Борьба», изданный в 1938 году в Берлине, и свернутая листовка на русском языке, из содержания которой следовало, что победоносная немецкая армия, начавшая 22 июня 1941 года войну против Советской России, пришла на русскую землю, чтобы освободить её народ от власти большевиков. А поэтому предлагается всем русским людям не оказывать сопротивления и переходить на сторону немецких войск. Круг, как говорится, замкнулся.

Глава 4

«А неплохой, в общем-то, в будущем шоколад», – констатировал Истомин, пережёвывая последний кусочек плитки шоколада, тоже найденной у немецкого лётчика.

С того момента как он под давлением неопровержимых фактов осознал, что всё-таки попал в 1941 год в район Смоленска, судя по всему в июль, ну или конец июня, прошло уже несколько часов. Как это случилось и почему, так и осталось для него загадкой. Можно было лишь с уверенностью утверждать, что перемещение во времени и пространстве произошло на той самой колдовской поляне с языческим капищем.

Но почему, для чего, отчего и зачем – волновало сейчас Истомина меньше всего, поскольку были вопросы и поважнее. А именно: как быть и что теперь делать? Было совершенно очевидно, что в Гражданской войне красные всё-таки победили и смогли построить своё государство – Советскую Россию. Дальше, некоторое время назад, примерно с месяц или около того, Германия напала на Россию, пусть и советскую, но всё-таки Россию, с целью, как это следовало из пропагандистской листовки, освободить российский народ от гнета большевиков. И последнее, он штабс-ротмистр Истомин Владимир Васильевич, русский офицер и дворянин, дававший присягу государю императору, оказался, судя

по всему, в прифронтовой полосе, если не за линией фронта, у немцев. Без соответствующих документов, но зато с оружием и в военной форме белого офицера. И что самое неприятное, о том, что произошло за последние два десятка лет в России и мире – ему совершенно неизвестно. Ситуация, как говорится, да уж. Только и остаётся, что на первом суку удавиться. Благо выбор большой, лес кругом, деревьев много. Одна беда: верёвки нет, и мыла недостает. Истомин усмехнулся. Самоубийство – это последнее, на что он решится. Потому как для него, что у красных, что у немцев и петля, и пуля завсегда найдутся. Если, конечно, дураком будет. Ну а если серьёзно, раз уж так случилось, что господь Бог отправил его в будущее, да не просто абы куда за тридцать земель, а в Россию, пусть и советскую, но всё же Россию, причём в тот момент, когда враг на его родину напал, то значит не спроста это. И он, штабс-ротмистр Истомин, русский офицер и дворянин, здесь и сейчас для чего-то нужен. Правда, насчёт врага это ещё вопрос. Может быть, немцы как страны Антанты в Гражданскую белым помогали? В этом позже разберёмся. А пока следует провести разведку и добыть побольше информации о том, где он находится, на красной территории или уже на занятой немцами? Которое сегодня число? Какое настроение у местного населения вообще и его отношение к действующей власти в частности? Как ведут себя немцы на занятой территории? И, наконец, что не менее важно, любыми путями узнать историю

России за прошедшие 22 года. Ведь без этого он как слепой, глухой и немой. У первого встречного вызовет подозрения, а на войне подозрительный – значит шпион. Расстреляют у ближайшей стенки. Что же касается личной биографии, то в случае чего немцам можно да и нужно свою рассказать, а красным вполне сойдёт биография последнего денщика. Хороший он мужичок, разговорчивый был. Кстати, родом из здешних мест, что вообще-то весьма и весьма кстати. Из-за войны не проверишь. Так размышлял Истомин, сидя на пне под большой березой, пока его внимание не привлек странный объект, появившийся в небе. Это оказалась едва различимая при ярком свете дня половина луны. «Вот и ещё один факт в пользу того, что меня во времени перекинуло, – резюмировал он. – Вчера там было полнолуние. А впрочем, хватит думать, диспозицию определил, пора на разведку». С этой мыслью Истомин поднялся с пня, сориентировался по солнцу и направился к указанной на карте немецкого летчика дороге.

Глава 5

«А вот и дорога. – Истомин осторожно раздвинул придорожные кусты. По дороге шла группа людей. Гражданские: женщины и дети. Все с сумками и узлами. – Всё ясно: беженцы. Стало быть, я ещё у красных», – сделал вывод Истомин. Если, конечно, ситуация на фронте напоминает слоёный пирог, что тоже может быть.

С неба послышался уже знакомый шум авиационных моторов. Над дорогой совсем низко появились четыре немецких, судя по крестам и свастикам, аэроплана. Беженцы, увидев их, заметались в разные стороны. «Зря боитесь, – Истомин улыбнулся. – Они же специально снизились. Проверяют: кто вы, военные или нет. По гражданам никто стрелять не будет». А то, что произошло потом, заставило Истомина испытать такое, чего он не испытывал за весь период как Германской, так и последующей Гражданской войны. Круто развернувшись, аэропланы спикировали на толпу и начали расстреливать её из установленных в крыльях пулемётов, а потом сбросили бомбы. Всё произошло очень быстро и одновременно медленно. Будто в кошмарном сне видел Истомин, как падают под пулёмётными очередями женщины и дети, а потом всё исчезло в облаках бомбовых разрывов. Кошмар закончился так же внезапно, как и начался. На дорогах оседала пыль, кругом лежали убитые. Истомин, пошатываясь,

вышел из кустов на дорогу. Как он ни искал, в живых не осталось никого. Немецкие пулемёты и бомбы накрыли всех. Так вот значит, как вы собираетесь освободить российский народ от большевиков – вместе с ним самим. Да эта пропаганда в листовке ещё похлеще, чем у большевиков во сто крат будет. Ну что же, тем хуже для них. Не победят точно, ведь если человека поставить перед выбором между смертью и смертью: смертью позорной и смертью героической, то победить его нельзя, можно только убить. А всех вы... убить не сможете.

Взгляд упал на полуразорванную сумку, а в ней – какая удача – кроме личных вещей оказалась аккуратно завёрнутая в газету за июль 1941 года книга по истории СССР 1940 года издания в великолепном кожаном переплёте с золотым теснением. Подобрал книгу и газету, Истомин быстрым шагом направился к лесу. Ему было необходимо время, чтобы все обдумать и оценить. На чьей стороне он будет воевать в этой войне, он уже знал.

Глава 6

«Ну какой леший вас сюда занёс, что вам, нормальных дорог мало?» – Истомин чуть не плюнул от досады. А так всё хорошо начиналось. Вторая половина дня прошла более чем успешно. Дальнейшие наблюдения за дорогой показали, что он уже оказался на оккупированной немцами территории. Буквально через какой-нибудь час после того как немецкие самолёты расстреляли беженцев, снова послышался шум моторов, и по дороге проехали пять мотоциклистов, а затем пошли войска. Пехота на грузовых автомобилях, броневики и, очевидно, танки. Правда, увиденные Истоминим бронированные машины на гусеничном ходу с башенными орудиями сильно отличались от танков его времени, которые он и видел-то только однажды в газетной иллюстрации. Но всё же прошло два десятка лет, и наверняка конструкторская мысль в этой области ушла далеко вперёд, так что это могли быть только танки. Потом, отойдя от дороги подальше в лес, Истомин от корки до корки прочитал книгу по истории России – теперь уже СССР – Союза Советских Социалистических Республик, а также газету, из которой получил хотя бы приблизительное представление о положении на фронтах за истекший военный месяц. И, что особенно порадовало, в газете была опубликована статья о том, что недавно в этом районе снимали кино про Гражданскую войну. Это

навело Истомина на мысль о способе легализации в случае встречи с Красной армией. Выдать себя за актёра или лучше подсобного рабочего, участвовавшего в массовке, а то кино-актёр уж слишком большая величина, во всяком случае, в его время так было, лишние вопросы появиться могут, а так... Вот откуда у него форма и почему нет документов? Мы кино снимали, а тут авианалёт. Одежда и документы сгорели. Ну не голым же ходить. Версия, конечно, не самая правдоподобная, если не сказать больше, но всё же лучше, чем ничего. Хотя выходить в ближайшее время к своим Истомин не собирался. Наилучшим вариантом была бы, по его мнению, организация партизанского отряда из местных под его командованием. Подобный отряд во главе с кадровым офицером, имеющим трёхлетний боевой опыт, нанёс бы немалый ущерб врагу, действуя на его коммуникациях, как в Отечественную войну 1812 года. А о том, что эта война будет иметь именно такой характер, Истомин после увиденного на дороге не сомневался.

Вот поэтому на следующее утро он пошёл искать деревню. Надо было пополнить запасы продуктов, и если повезёт разжиться оружием у какого-нибудь не слишком осторожно-го немца. А то наган с пятью патронами в барабане «Парабеллум», финка и граната – так это больше для самоуспокоения, чем для войны. Хорошо бы достать винтовку или ружьё, пулемёт. А потом безотлагательно приступить к формированию партизанского отряда. И вот теперь из-за неле-

пой случайности весь план ставился под вопрос. Деревню он нашёл. Небольшую, всего в четыре избы. Причём жили только в одной. Дед с бабкой и, очевидно, внук. Темноволосый, кудрявенький мальчик лет пяти-шести. Кругом всё было тихо. Только в небе гудели пролетающие аэропланы. Они-то и сыграли с Истоминным злую шутку. Из-за них он не сразу услышал шум моторов, а когда из леса выехали два мотоцикла и броневик, отступать было уже поздно. Укрывшись за сараем, Истомин приготовил оружие и стал наблюдать. Всего немцев было восемь. Семь солдат и один офицер. Солдаты одеты в обычную полевую форму мышинового цвета, а на офицере чёрная форма с серебряным погоном и ко всему прочему на левой руке красная повязка с белым кругом, внутри которого чёрная свастика. Каждый солдат был вооружён ружьём, пулемётом, а у офицера только пистолет. Офицер прошелся пару раз по двору. Потом остановился, пристально посмотрел на мальчика, произнес: «Юде», вынул из кобуры пистолет и прицелился в ребёнка. Выстрелить он не успел. Истомин расстрелял ему в спину все пять патронов, оставшихся в барабане нагана, а потом метнул в сторону остолбеневших от неожиданности немцев гранату, отскочив за спину сарая. Гранату он метнул с перелётом так, чтобы осколки от взрыва накрыли только солдат, но не задели своих. Затем, перепрыгнув через невысокий плетень, бросился к немцам. Добить уцелевших из пистолета, пока они не очухались. Это почти получилось, но на пятом выстреле

«Парабеллум» дал осечку, а последний оставшийся в живых немец уже целил Истомину в грудь из своего ружья-пулемета. Но сзади прогремело два выстрела и немец, как подкошенный, рухнул на землю рядом с броневиком, защитившим его от осколков гранаты. Истомин резко обернулся. На земле рядом с забором, привалившись к стогу сена, сидел человек в военной, похожей на его, Истомина, форме, но только без погон. На голове фуражка с красным околышем и синим верхом, в руке наган.

«Свои, – сразу понял Истомин, – это он немца из нагана снял. Видимо, раненый немец увидел и в стогу укрылся, а потом мне помог, причём очень вовремя. Считай, жизнь спас».

– Я сейчас, – крикнул Истомин, – только немцев проверю. Но все восемь были мертвые. Кого осколками посекло, кого пулей уложило. Полный порядок. Выстрела в спину можно не опасаться. А вот свои не пострадали, ну, может, самую малость от взрыва в ушах звенеть будет, или контузило слегка. Но это мелочь, главное, все живы. Старик уже поднялся, помогая встать старухе и внуку. Истомин подошёл к ним.

– Как вы, не зацепило?

– Нет, нет, спасибо вам, сынки. Если бы не вы, всех бы ироды и порешили.

– Ладно, ладно, отблагодарите потом, человеку ещё помочь надо. Пойдём, дедушка, в дом его занесём.

Истомин направился к сидячему у стога, судя по наличию

фуражки и нагана, офицеру. Он был в сознании и пытался встать.

– Как вы, товарищ командир, не ранены? – первым спросил старик. «Так, офицера товарищем командиром называют, – отметил про себя Истомин. – Что же, информация важная, запомним».

– Нет, нет, не ранен, – ответил офицер. – Только голова сильно кружится. Помогите встать. И сумку, сумку мою дайте. Вон она там, в сене.

Истомин достал сумку и передал её офицеру. А потом помог старику довести его до дома и уложить на кровать. По всем признакам у офицера или, вернее, командира была контузия, так что пусть пока полежит.

– Пойдём, дедушка, поможем мне двор в порядок привести, – позвал старика Истомин. – А то не дай бог ещё раз немцы нагрянут, тогда всё.

– Да, да, конечно, – заторопился старик, – мы их сейчас в соседский погреб скинем, он у них пустой. А ты, – обратился он к жене, – товарищу командиру помоги.

Вдвоём уборка заняла не более десяти минут. Трупы убитых немцев были помещены в погреб. Всё имеющееся оружие, включая пулемёты с мотоциклов, Истомин собрал и сложил в кузов броневика, где, кроме ящика с патронами, оказался ещё легкий пехотный миномёт и два ящика мин. Сам броневик и мотоцикл удалось загнать в сарай. Мотоциклы волоком, ездить на них Истомин не умел. А вот в управ-

лении броневиком разобрался почти сразу, оно оказалось несложным, почти как у автомобиля «Руссо-Балт». Закончив с маскировкой, Истомин вернулся в дом. Командиру уже стало лучше и он, полулёжа на кровати, представился.

– Я – Иванов Николай Фёдорович, майор госбезопасности, контрразведка Западного фронта, а вы кто, товарищ, и почему в белогвардейской форме?

– Я – Бубенчиков Алексей Ильич. – Истомин назвал именем своего последнего денщика. – А форма – кино про Гражданскую войну снимали.

– Документы есть?

– Нет. – Истомин развёл руками. – Вместе с одеждой сгорели при авиа налёте.

Он решил отыгрывать версию с кино до конца. Хотя перед ним контрразведчик. Но он сейчас не в лучшем состоянии, чтобы глубоко копать и сопоставлять факты. Кроме того, недавний бой с немцами, где Истомин вышел один против восьмерых, никак не добавлял ему недоверия.

– Да, это, конечно, плохо, – но контрразведчик сделал паузу, – не так, как могло бы быть. – Как вы, товарищ Бубенчиков, один против восьмерых немцев вышли с пистолетом и гранатой, я сам видел. Это о вас лучше любых документов говорит. В партии состоите?

– Нет, не состою, – быстро ответил Истомин, а сам подумал, что в вопросах политики пока надо быть крайне осторожным. Слишком мало ещё в этом вопросе знает.

– Но ничего, я лично вам рекомендацию дам. Такие люди, как вы, партии сейчас очень нужны. И ходатайствовать о награждении буду. Кстати, а откуда оружие?

Истомин рассказал о воздушном бое и о своих трофеях, а про наган сказал, что снял с убитого милиционера, охранявшего их на съёмках.

– Значит, всё-таки сбил я мессера тоже, – контрразведчик улыбнулся.

Как оказалось, он летел на том самом зелёном аэроплане – самолёте, который атаковали и сбили немецкие истребители мессеры – мессершмидты. Именно этот воздушный бой и видел Истомин в свой первый день пребывания в будущем. Лётчик погиб при посадке, а майор Иванов получил, как он предполагает, сотрясение мозга или контузию при падении самолёта на лес. Но несмотря на это, смог дойти до деревни. А что произошло дальше – известно.

– Но как, сынок, лучше тебе? – обратилась старуха к Иванову.

– Да, лучше, спасибо, бабушка. Полежал немного и голова в порядке, почти не кружится.

Иванов встал с кровати, осторожно прошёл через всю комнату и, подойдя к столу, сел на лавку.

– Извините, – обратился он к хозяевам, – нам с товарищем наедине поговорить надо. Дело государственной важности.

– Да, да, все понимаем, дело военное, секретное, пойдем, мать, – кивнул жене старик.

– Итак, Алексей Ильич, – обратился контрразведчик к Истомину. – Человек вы стоящий, я вас в деле видел, у меня в сумке совершенно секретные документы. Их необходимо доставить в особый отдел любой нашей воинской части, причём как можно скорее. Я их лично вёз да вот не долетел. И идти почти не могу. До этой деревни, считай, сутки добирался, а тут километров пять, не больше.

– И сколько может быть до линии фронта? – задал практически вопрос Истомин, прикидывая в уме план действий.

– Ну, если учитывать скорость наступлений немцев до тридцати километров в сутки и исходить из худшего, что она не изменилась, то... – Иванов на секунду задумался, – думаю, километров пятьдесят шестьдесят будет. Или около того.

– Если так, то пешком никак не успеть, – резюмировал Истомин, – только ехать. Тут от немцев броневик остался и мотоцикл.

– И я о том же, – контрразведчик кивнул. – На бронетранспортёре может быть даже и лучше, во-первых, вдвоём, и в случае чего есть шанс, что хоть один да уйдёт, а во-вторых, через линию фронта прорываться удобней, немцы вряд ли сразу догадаются кто внутри. Да, а что в бронетранспортёре ещё кроме пулемёта?

Истомин назвал.

– Что же, неплохой арсенал, особенно миномёт, – резюмировал Иванов, – хотя мы им в нашем положении вряд ли

сможем воспользоваться. – В общем, всё решили, товарищ Бубенчиков, выезжаем через десять минут. Вы за рулём, я в кузове, в случае чего дорогу из пулемёта расчищу, на это меня однозначно хватит, а теперь зовите хозяев, их предупредить надо, чтобы уходили немедленно. Немцы наверняка своих искать будут. Заявятся сюда и всех кончат.

– До свидания, сынки, спасибо еще раз за все, счастливой дороги! – крикнул старик, помахав рукой.

– И вам того же, – Истомин помахал в ответ и, запустив мотор, выехал на дорогу.

Глава 7

Мягко покачиваясь на ухабах, бронетранспортёр медленно ехал по лесной дороге. Истомин осторожничал. Линия фронта по явно слышимой канонаде была совсем близко, а значит, велик шанс нарваться на передовые части немцев, что очень и очень нежелательно. Бронетранспортёр хоть и немецкий, но прорваться к своим через линию фронта будет не так-то просто. С одной стороны немцы стрелять начнут, когда сообразят, что что-то не так, а с другой свои как следует встретят. Правда, майор Иванов на сей случай план придумал: красный флаг над бронетранспортёром поднять. Чтобы понятно было кто это на самом деле. Да только поверят ли в это наши? Так что уже лучше бы по-тихому, особенно если учесть наличие у них документов чрезвычайной важности, сумку с которыми Иванов Истомину передал, полагая, что у него больше шансов до своих добраться.

Вот только по-тихому не получилось. Дорога резко ушла вправо и, сделав поворот, Истомин увидел впереди несколько грузовиков с немцами, а чуть дальше развёрнутую на опушке леса артиллерийскую батарею и ряды окопов. Это была линия фронта. Немецкая пехота, очевидно, готовилась к атаке наших позиций, расположенных на другой стороне неширокого, метров пятьсот-семьсот поля, разделявшего два лесных массива. И поэтому на внезапно выехавший из-

за поворота бронетранспортёр первоначально никто не обратил внимание. Только когда до переднего края осталось не больше сотни метров, дорогу преградил немецкий офицер. «Стой, стой», – донеслось до Истомина на немецком.

– Ходу! – раздался сзади крик Иванова, и почти сразу ударил пулемёт.

Истомин нажал на газ, бронетранспортёр рванул вперёд, сбив и подмяв под себя немца. Потом загремели взрывы. «По нам, что ли, из пушек стреляют?» – подумал Истомин, но, глянув в зеркало заднего вида, понял, что это не так. Расстреляв всю пулемётную ленту, майор Иванов закидывал ничего не понимающих немцев гранатами. Бронетранспортёр был уже почти на середине нейтральной полосы, когда немцы, вероятно разобравшись, что к чему, открыли вдогонку ружейный и пулемётный огонь. Помня о замаскированной в лесу артиллерийской батарее, Истомин пустил бронетранспортёр змейкой, желая сбить наводчиком прицел. Но немецкие орудия молчали, а с наших позиций последовали только одиночные выстрелы да пару раз ударил пулемёт. Потом всё смолкло. Видимо, красный флаг сработал, поняли, что свои из немецкого тыла прорываются, а впрочем неважно, потом узнаем.

– Можно сказать, приехали, – обогнув большую воронку, Истомин загнал машину в лес и резко затормозил. «Хен де хох, сдавайтесь!» – послышались крики. Истомин оглянулся, не меньше десятка солдат, вооружённых винтовками Моси-

на, прячась за деревьями, держали бронетранспортёр на прицеле. Что делать: выходить с поднятыми руками, так я же у своих?

– Я – майор госбезопасности Иванов, кто командир? – услышал Истомин голос Иванова. «Ну вот и ладно, с майором всё в порядке, можно и мне выходить», – решил Истомин и, прихватив сумку с документами, вылез из кабины.

– Командир отделения сержант Чибисов, – отрапортовал средних лет солдат, возвращая Иванову удостоверение. – И попрошу ваши документы, товарищ, – обратился сержант к Истомину, удивленно глядя на него.

– У товарища Бубенчикова нет с собой документов, он вообще гражданский, – вмешался Иванов. – В кино снимался, вот поэтому в белогвардейской форме. Но это сейчас неважно, нам обоим срочно надо в особый отдел.

– Да, да, конечно, – согласился сержант, – здесь недалеко, только оружие сдать придётся. Извините, товарищ майор, уж так положено.

– Знаю, – буркнул Иванов, отдавая наган. – Идёмте.

Полог палатки откинулся: «Бубенчиков, заходи». Иванов махнул рукой часовому. Истомин вошёл в палатку. Внутри было трое: майор Иванов, сержант Чибисов и ещё один офицер в полевой форме, но такой же, как у Иванова фуражке.

– Я – лейтенант государственной безопасности Ильин, – представился офицер. – Товарищ майор мне все рассказал. То, что у вас документов нет, это, конечно, плохо и в таких

случаях полагается проводить полную проверку. Но учитывая всё, что произошло, думаю, это излишне. Просто напишите мне, как всё было, и пока будет достаточно. После этого, так как ваше желание о немедленной мобилизации в ряды РККА удовлетворено, поступите рядовым в отделение сержанта Чибисова. Вопросы есть?

– Никак нет.

Истомин встал и отдал честь. Он это сделал раньше, чем подумал. Но этот столь привычный жест возымел вдруг неожиданное действие. Все трое так и покатались от смеха. «Что, что я сделал не так? – напряжённо думал Истомин, глядя на смеющихся. – Красноармейцы ведь именно так честь отдают, сам видел».

– Форму, форму переодеть надо, – сквозь смех сказал Иванов. – А то какой же вы, товарищ Бубенчиков, красноармеец в облики белогвардейца? «Ах вот, что их так насмешило у Истомин, отлегло от сердца отлегло, – а то уже думал, засыпался».

– Ну, форму-то мы по такому случаю найдём, – сказал переставший смеяться сержант. – Во всяком случае, гимнастёрку и пилотку. А то ещё чего доброго свои погоны увидят и за немца примут да подстрелят. Так что переоденем вас, товарищ Бубенчиков, обязательно.

Через два часа, закончив все формальности в особом отделе, передевшись в форму рядового бойца Красной армии, штабс-ротмистр Истомин в составе отделения сержанта Чи-

бисова занял оборону в первой линии окопов.

Глава 8

– Землячок, табачку не найдётся? – обратился к Истомину сосед по окопу. Молодой, примерно его лет боец, закончив набивать патроны в диск похожего на Льюис пулемёта.

– Найдётся, только не наш, трофейный, – ответил Истомин и протянул солдату пачку немецких сигарет.

Сам он не курил, но, обнаружив в кабине бронетранспортёра сигареты, решил оставить их себе. Так, на всякий случай, для душевного разговора.

– Ох ты, а откуда такие? – пулемётчик удивлённо повертел в руках пачку. – Ты что, в разведку за языком ходил?

– Ну, что-то вроде того, – Истомин улыбнулся.

– Постой, постой, – солдат внимательно посмотрел на Истомина. – Так ты же тот белогвардеец – артист, который вместе с майором на бронетранспортёре из немецкого тыла провалился.

– Он самый, – подтвердил Истомин, – но, как видишь, теперь рядовой Красной армии. Хватит с меня кино, после войны доснимем.

– Да, повезло вам с майором, – покачал головой пулемётчик. – Сквозь немцев прошли, а потом мы по вам стрельбу открыли и хоть бы что. А вот моего второго номера в первом бою осколком прямо в сердце. С тех пор уже неделю один воюю. Ну что же, давай знакомиться, – предложил боец Ис-

томину.

– Я – Вася Лаптев из Ленинграда.

– А я...

Воздух резануло по ушам, Истомин глянул вверх. Из-за леса появились немецкие самолёты, точно такие же, как те, что расстреляли беженцев на дороге.

– Ложись, сейчас бомбить будут! – крикнул Истомину пулемётчик и упал на дно.

Истомин последовал его примеру, но не лёг, а присел, укрывшись за бруствером. Ему было интересно, как будут действовать немцы. Ведь под бомбёжкой он не был ни разу, а потому как всё будет было неясно. Здесь чисто профессиональный интерес кадрового офицера замешивался с перспективой на будущее. Ещё надевая форму рядового красноармейца, Истомин решил, что надолго таковым не останется. Его военные навыки и трёхлетний боевой опыт необходимо как можно скорее использовать на практике. Поскольку в качестве офицера или, как принято в РККА – Рабоче-крестьянской Красной армии командира, он принесёт гораздо больше пользы, чем рядовым бойцом. Вот поэтому, прислонившись спиной к стенке окопа, штабс-ротмистр Истомин, а теперь рядовой Красной армии Бубенчиков стал внимательно наблюдать за действием вражеских бомбардировщиков.

Самолёты сделали круг, набрали высоту, а потом резко спикировали на окопы переднего края. Истомин явствен-

но увидел, как от первого «лаптёжника», а именно так потом стали называть немецкие пикирующие бомбардировщики «Юнкерс Ю-87» за неубирающиеся в полёте шасси, отделились чёрные точки бомб, а через мгновение от их взрывов задрожала земля. Не успел стихнуть грохот от первых взрывов, как к ним добавились ещё и ещё. Казалось, вся земля превратилась в гремющий и клокочущий ад, прорезаемый лишь вспышками трасс пулемётных очередей пикировщиков.

Несмотря на три года, проведённые на войне, Истомину стало не по себе. Ничего подобного он ещё не испытывал даже при артобстреле, а когда совсем рядом с окопом взорвалась очередная бомба и сверху обрушился целый «водопад» земли и камней, Истомин благоразумно поменял сидячее положение на лежащее, закрыв уши руками, от греха подальше. Чтобы не оглохнуть часом и не попасть под шальной осколок. Этого ему не хотелось больше всего. Обидно как-то, перепрыгнув в одночасье с одной войны на другую, да не просто войну, а войну с нелюдьми, погибнуть вот так глупо, никого из этих самых нелюдей не убив. Ну да, конечно, есть у него на личном боевом счёте те семеро, которые теперь в деревенском погребе «отдыхают», но уж больно маленький счёт выходит: один к семи. Да и получилось всё это как-то больно уж быстро, ну вроде и не по-настоящему, что ли. Так думал штабс-ротмистр Истомин, лёжа на дне окопа и пережидая уж слишком затянувшуюся, на его взгляд, бомбёжку.

Хотя в таких ситуациях люди часто теряют ощущение времени. Но всему на свете приходит конец. Кончилась и бомбардировка.

Как только взрывы прекратились, Истомин немедленно поднялся с земли и, поправив каску, выглянул из окопа. Сейчас начнётся атака пехоты, подсказывал прошедший боевой опыт. Вот только будет ли кому её отражать? Этот вопрос невольно возник у него в голове при осмотре их позиций. Вся земля была перепахана воронками, а соседний лес изрядно поредел, причём настолько, что в прогале между поваленными деревьями был виден их с Ивановым бронетранспортёр. Или то, что от него осталось, очевидно, после прямого попадания бомбы. Но, несмотря на всю апокалиптическую, которую внушал передний край, то тут, то там из окопов стали подниматься бойцы, выставляя на бруствер винтовки и трофейные немецкие автоматы. То же самое сделал и Василий, поставив на сошки свой пулемёт. Он подмигнул Истомину.

– Ну всё, артист, готовься, сейчас полезут.

– Полезут – встретим, – Истомин, криво улыбнувшись, передёрнул затвор винтовки.

Немецкая пехота не заставила себя долго ждать. Вскоре из-за леса вышла густая цепь автоматчиков и открыла огонь. Немцы шли нагло в рост, беспорядочно стреляя с живота. Пули густо свистели над головой, часто ударяя в бруствер окопа. «А, вот какая у вас тактика, – сообразил Истомин. –

Беспорядочная стрельба на дальней дистанции, чтобы головы никто не смог поднять. Что же, вполне себя оправдывает». От обилия летящих в воздухе пуль становилось страшновато. Хотя, если разобраться, немецкий автомат, а с ним Истомин уже в достаточной степени успел познакомиться, оружие слабоватое. Ствол короткий, патрон от пистолета «Парабеллум». Вряд ли из него можно уверенно попасть по цели с дистанции более двухсот метров. Вот если в ближнем бою, то тут, безусловно, винтовка по сравнению с автоматом вне конкуренции. Пока затвор передёрнешь, из тебя душлаг сделать успеют. А какой отсюда вывод, – да простой. Автоматчиков близко подпускать нельзя, их следует бить на дальней дистанции, иначе сомнут. Ну, с пехотой-то понятно, а вот что с танками делать? Их целых два по флангам идёт, и пока что своих только из пулемётов прикрывают. Опыта в борьбе с бронетехникой Истомин не имел, но, приняв во внимание, что он здесь не один, и те, кто рядом, наверняка знают, что делать, поймав в прицел идущего прямо на него немца, выстрелил. Немец упал. «Ага, есть первый. С почином вас, ваше благородие, рядовой красноармеец Бубенчиков», – поздравил себя Истомин и, передёрнув затвор, взял на прицел очередного не людя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.